К37 5/36

К37 5/36.

СМОЛЕНСКЪ

въ 1812 году.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами.

10 Коп.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

Александръ Благословенный

К 37 5/36

СМОЛЕНСКЪ

въ 1812 году.

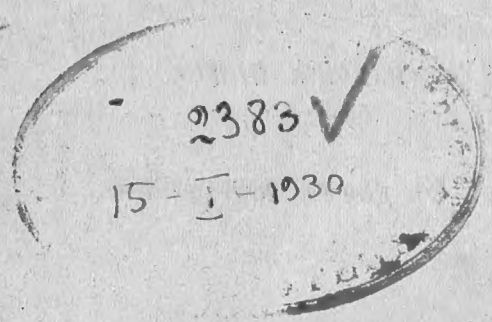
Историческій разсказъ.

Изданіе второе.

Съ двумя портретами.

С.-Петербургъ.
Изданіе Редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ».
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 ноября 1873 года.



МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Типографія К. Замысловскаго. Казанская ул., д. № 33.

СМОЛЕНСКЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

I.

Готовность Смольянъ стать на защиту отечества.—Всеподданѣйшее прошеніе Смоленскихъ дворянъ.—Пребываніе Императора Александра I въ Смоленскѣ. — Высочайшій рескриптъ епископу Смоленскому.—Воззваніе главнокомандующаго.—Приготовленія Смольянъ къ отраженію врага и пожертвованія, сдѣланныя ими.—Мужественная оборона Смоленска генераломъ Раевскимъ.—Генералъ Дохтуровъ, назначенный главнымъ защитникомъ Смоленска.—Кровавая борьба Русскихъ съ Французами 5-го Августа.—Пожаръ и разореніе Смоленска.—Вступленіе въ Смоленскъ Наполеона.

Нашествіе императора Французовъ Наполеона I на Россію въ 1812 году покрыло неувядаемою славою не только нашу храбрую армію, но и всѣ сословія Россійскаго государства, всѣ города и села. Въ эту тяжкую годину испытаній, на призывъ державнаго вождя, вѣчной и славной памяти достойнаго, Государя Императора Александра Благословеннаго, откликнулся каждый Русскій, каждый, кто признавалъ себя истиннымъ сыномъ отечества; а таковыми признавали себя всѣ обитатели Россіи, на всемъ ея неизмѣримомъ пространствѣ. Всѣ возстали на защиту родной стороны, всѣ готовы были лечь костьми за вѣру Православную и за возлюбленнаго Монарха, всѣ понесли свое достояніе и жизнь на алтарь угрожаемаго отечества.

На долю Смоленска, одного изъ первыхъ русскихъ городовъ, подвергшихся нападенію полчищъ Наполеона выпалъ жребій стать впереди всѣхъ на защиту родины. Въ то время, когда слухъ о вторженіи Наполеона раз-

несся по Россіи, Смоленскіе дворяне, одушевленные доблестью предковъ, первые, еще до полученія Высочайшаго манифеста объ ополченіи, изъявили готовность выставить для отраженія общаго врага двадцать тысячь воиновъ и болѣе, если бы то потребовалось для защиты отечества. Многіе отставные военные объявили желаніе свое вновь поступить на службу, или идти на непріятеля со всѣми своими крестьянами. Въ просьбѣ Смоленскаго дворянства на Высочайшее имя, подписанной 7-го іюня губернскимъ предводителемъ Лесли, было между прочимъ сказано:

«Сіи защитники отечества, назначенные по городамъ и уѣздамъ, оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ тому мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда, или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время, а изъ дальнихъ на своихъ подводахъ въ три дня, каждый съ провіантомъ, который въ сухаряхъ и крупѣ собственной, въ заготовленіи для сего быть имѣетъ на мѣсяцъ, а по востребованію изъ уѣздовъ будутъ охранять оные отъ малыхъ непріятельскихъ партій. Если розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ и искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніямъ въ деревняхъ своихъ, могутъ при свободномъ времени обучать надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученія ружей дозволить разобрать хотя оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ».

Просьба эта была поднесена Государю Императору по-

прибытіи Его Величества въ Смоленскъ 9-го іюля, и доблестное дворянство Смоленское удостоилось услышать изъ устъ Монарха Высочайшую признательность за готовность встать поголовно на защиту отечества. Въ тотъ же день, Государь, проѣзжая по Смоленску и какъ бы предчуствуя роззореніе, которому въ скоромъ времени долженъ былъ подвергнуться этотъ древній русскій городъ, который еще царь Борисъ Годуновъ назвалъ «дорогимъ ожерельемъ Россіи», нѣсколько разъ повторялъ: «Какой прекрасный городъ!»

Во время пребыванія въ Смоленскѣ, Императоръ Александръ написалъ собственною рукою замѣчанія на счетъ ополченія, а для ободренія тѣхъ изъ жителей городовъ и селъ, которые, при первомъ появленіи непріятеля, оставляли свои полевыя работы, удостоилъ епископа Смоленскаго Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ возлагалъ на епископа пастырскій долгъ: «внушеніями и увѣщаніями своими ободрять и ихъ не только отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, всѣ до единаго, старались вооружиться, чѣмъ кто можетъ, дабы не давая ни какого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самый великій вредъ и ужасъ».

Съ своей стороны, и главнокомандующій русскими войсками, Барклай-де-Толи, старался всѣми мѣрами успокоить жителей Смоленска на счетъ угрожающей городу ихъ опасности и призывалъ ихъ, истребляя врага повсюду, «дабы не одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя вѣрѣ и

отечеству обиды,—вспомогать усиліямъ братьевъ и соотечественниковъ своихъ, которые на полѣ брани за нихъ жертвуютъ жизнію». «Смольяне всегда были храбры и тверды въ вѣрѣ», говорилъ въ заключеніе своего призыва главнокомандующій, «я надѣюсь на ихъ усердіе».

Доблестныя Смольяне не обманули этой надежды. Русскія войска въ составѣ двухъ армій, одной подъ предводительствомъ князя Багратіона, другой подъ начальствомъ Барклая-де-Толи, все болѣе и болѣе сближались къ Смоленску, имѣя въ виду дать здѣсь Наполеону сраженіе, котораго желали всѣ отъ генерала до солдата, — дабы отплатить за раззореніе родной страны.

Приближеніе обѣихъ армій и неминуемость столкновенія съ непріятелемъ привели Смоленскъ въ сильное движеніе. Нужно было доставлять въ армію запасы и продовольствіе, отправлять на подводахъ раненыхъ, больныхъ и резервныя войска; вывести изъ Смоленска артиллерійскіе парки, кадетскій корпусъ, присутственныя мѣста и частное имущество. Все это требовало чрезвычайныхъ усилій со стороны поселянъ, занятыхъ въ то время полевыми работами, и представляло значительные затрудненія въ образованіи Смоленскаго ополченія; но усердіе Смольянъ преодолѣло всѣ препятствія. Черезъ восемь дней по полученіи Высочайшаго манифеста объ ополченіи, въ городъ Дорогобужъ, который назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ ополченія, уже приведено было 12,447 ратниковъ. Но ополченіе это составляло только малую часть тѣхъ пожертвованій, которыя принесла Смоленская губернія въ это бѣдст-

венное время; пожертвованія ея, до выступленія арміи изъ Смоленской губерніи, простирались до 9.824,000 рублей, кромѣ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ: муки 91,271 четверть и овса 16,322 четверти.

22-го іюля прибыла къ Смоленску 2-я армія, состоявшая подъ главнымъ начальствомъ князя Багратіона, что увеличило весь составъ находившихся подъ Смоленскомъ войскъ до 120 тысячь. Тогда собранъ былъ военный совѣтъ и рѣшено двинуться впередъ для отраженія непріятеля. 26-го числа обѣ арміи выступили изъ окрестностей Смоленска, сопровождаемыя молитвою жителей и благословеніемъ духовенства, отправлявшяго молебствія въ храмахъ Божіихъ. Многіе вооруженные дворяне присоединились къ отрядамъ. Въ числѣ ихъ первыми явились четверо братьевъ Лесли, съ письмомъ отъ престарѣлаго отца, который, несмотря на преклонность лѣтъ, изъявилъ готовность, въ случаѣ надобности, идти вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Однакоже обѣ арміи въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, простиравшихся до 200 тысячъ человѣкъ, и опасаясь, въ случаѣ неудачи, быть отрѣзанными отъ сообщенія съ Московскою и внутреннею Россіею, обѣ арміи, не вступая въ бой съ непріятелемъ, стали стягиваться обратно по направленію къ Смоленску. Между тѣмъ 2-го августа французы, подъ начальствомъ Мюрата, произвели нападеніе на генерала Невѣровскаго, стоявшаго въ Красномъ съ одною дивизіею, при 12-ти батарейныхъ орудіяхъ. Сначала дивизія Невѣровскаго была выбита французами изъ позиціи въ Красномъ, причемъ Невѣровскій, отступая, даже потерялъ два орудія и множество лошадей, бывшихъ подъ

орудіями. Но когда Мюратъ, съ 15,000 конницы и дивизіею пѣхоты сталъ обходить Невѣровскаго, особенно съ лѣваго фланга, то Невѣровскій, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ Русскихъ силъ, рѣшилъ дорого продать свою жизнь. По приказу его пошли въ атаку Харьковскіе драгуны, но были опрокинуты, отчего батарея наша осталась безъ прикрытія и Французы ударили на нее и захватили 5 пушекъ; остальныя ушли по Смоленской дорогѣ, казаки тоже не выдержали атаки. И такъ, Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи и конницы, съ одною пѣхотою. Французская пѣхота намѣревалась атаковать съ фронта, конница неслась на фланги. Невѣровскій, присоединивъ къ себѣ подошедшій къ нему тогда изъ Краснаго баталіонъ 49-го егерскаго полка, быстро свернулъ баталіоны въ каре и, обратясь къ солдатамъ, произнесъ: «Ребята! помните, чему васъ учили: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко въ фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья не суетясь, и никто не смѣй начинать безъ моей команды!» Приказаніе было выполнено съ точностію. Непріятель, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, изрубивъ половину артиллеристовъ и прикрытіе ихъ, мчался съ двухъ сторонъ. Его поустили на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, какъ будто окаменѣлое каре стояло безмолвно, стройно, какъ стѣна. Загремѣло начальническое: «Тревога!» Барабаны подхватили; батальный прицѣльный огонь показался круглою дробью и въ мигъ французскіе всадники и ихъ лошади устлали землю. Одинъ полковникъ, съ нѣсколькими удальцами, въ пылу боя домчался до угла каре и палъ на штыкахъ

нашихъ солдатъ; атакующія линіи быстро повернули назадъ и ускакали въ безпорядкѣ съ большою потерею. Въ каре Невѣровскаго ударили отбой пальбѣ. «Видите, ребята», сказалъ Невѣровскій въ восторгѣ, «какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ, побѣждать кавалерію; благодарю васъ и поздравляю!» Единодушное, безпрерывное «ура!» и «рады стараться!» раздались ему въ отвѣтъ и взаимное поздравленіе.

Отбивъ нападеніе, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ кавалерійскія атаки съ тыла и фланговъ. Невѣровскій, идя въ кареяхъ и заслоняясь деревьями, которыми была обсажена дорога, отбивался удачно. Мюратъ предложилъ ему сдаться, но получилъ отказъ. Непріятель находился такъ близко, что могъ переговаривать съ нашими солдатами и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты Полтавскаго полка закричали имъ: «Умремъ, а не сдадимся!» На 5-й верстѣ отступленія былъ самый сильный натискъ, но деревья и рвы препятствовали французамъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость пѣхоты удержала отчаянныя нападенія непріятельской кавалеріи. Мюратъ безпрестанно вводилъ въ дѣло свѣжія войска, и всѣ онѣ были отбиты. Наши войска, безъ различія полковъ, смѣшашались наконецъ въ одну колонну, тѣсно сплотясь, отступая, отстрѣливаясь и отражая атаки. Такъ отошли еще 7 верстъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня, едва не разстроила отступленіе. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Невѣровскій приближался уже къ рѣкѣ, и когда былъ за версту отъ нея, открылъ огонь изъ двухъ орудій, послан-

ныхъ впередъ съ 50-мъ егерскимъ полкомъ. Непріятель полагалъ, что тутъ ожидало Русскихъ сильное подкрѣпленіе, остановился; наши благополучно переправились за рѣчку, гдѣ и держались до вечера. Мюратъ уже не атаковалъ, а только бросилъ въ русскій лагерь нѣсколько ядеръ. Невѣровскій же, давъ вздохнуть войскамъ, отошелъ ночью до оврага, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска, гдѣ жители были весьма встревожены слышанною ими пальбою въ отдаленіи.

Таковъ подвигъ Невѣровскаго, принявшаго первымъ на свою грудь защиту Смоленска.

Едва только въ Смоленскѣ сдѣлалось извѣстнымъ о нападеніи непріятелей на дивизію Невѣровскаго, какъ на помощъ къ нему немедленно былъ командированъ генералъ Раевскій. Но Раевскій не поспѣлъ къ бою подъ Краснымъ и только 3-го августа утромъ онъ вступилъ въ Смоленскъ, гдѣ и соединился съ Невѣровскимъ. Черезъ нѣсколько часовъ Раевскій получилъ извѣстіе о наступленіи французовъ въ огромныхъ силахъ, и рѣшился защищаться въ самомъ городѣ. Положеніе Раевскаго было крайне опасно. Въ его распоряженіи находилось только 13 тысячъ человѣкъ, что конечно было ничтожною горстью въ сравненіи съ многочисленными полчищами Наполеона; при всемъ томъ, Раевскій рѣшился противостать непріятелю во что бы то ни стало, «съ твердою рѣшимостью», какъ онъ самъ говорилъ, «погибнуть на семъ посту спасенія и чести».

Съ 3-го на 4-е августа, ночь была мѣсячная и свѣтлая. Раевскій вмѣстѣ съ Паскевичемъ осмотрѣлъ Смоленскъ и, выбравъ удобныя мѣста, ночью же раз-

мѣстилъ въ нихъ войска. По окончаніи распоряженій, Раевскій приказалъ пѣхотѣ, стоявшей на невыгодной позиціи, не дѣлать ни шагу для преслѣдованія непріятеля, если онъ будетъ отбитъ, дабы не ослабить себя, расширяя поле битвы. «Въ ожиданіи дѣла», говорилъ Раевскій въ своихъ запискахъ, «я хотѣлъ уснуть, но признаюсь, не смотря на всю прошедшую ночь, проведенную на конѣ, не могъ сомкнуть глазъ: столько озабочивала меня важность моего поста, отъ сохраненія котораго зависѣло столь много....»

Съ зарею 4-го августа начались наступательныя движенія непріятелей къ Смоленску и въ авангардѣ завязалась перестрѣлка. Въ то же время Наполеонъ приказалъ своему военноначальнику Нею, атаковать конницу Раевскаго, стоявшую передъ городомъ. Наполеонъ былъ увѣренъ, что Русская армія была еще далеко, а что въ Смоленскѣ находилась только дивизія Невѣровскаго. При началѣ дѣла, конница наша, тѣснимая Французами, отступила къ городу но огонь изъ орудій остановилъ преслѣдованіе за нею. Спустя полчаса, показались три большія колонны непріятельской пѣхоты. Одна шла прямо на такъ называемый королевскій бастіонъ, защищаемый Паскевичемъ, другая на кладбище, третья вдоль Днѣпра, на правый нашъ флангъ. 70 русскихъ орудій были уже въ дѣйствіи противъ непріятеля, но онъ шелъ отважно и, наконецъ, приблизился къ рытвинѣ, составлявшей на томъ мѣстѣ ровъ Смоленской крѣпости, тогда Орловскій полкъ открылъ частый ружейный огонь и удержалъ непріятеля. Нѣсколько разъ покушался онъ выйти изъ оврага и бросался на нашу пѣхоту, но каж-

дый разъ встрѣчалъ его батальный огонь и принуждалъ возвращаться въ оврагъ. Тѣла непріятельскія покрыли мѣстность на значительномъ пространствѣ. Паскевичъ, замѣчая, что атаки непріятеля слабѣютъ, приказалъ Орловскому полку ударить въ штыки; Ладожскій и Нижегородскій полки сдѣлали тоже самое; непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рытвины, и трупами своими устлалъ все пространство отъ гласиса до противной стороны оврага. Наши бросились преслѣдовать непріятеля, но Паскевичъ ударилъ отбой, воротилъ людей и снова построилъ баталіоны. Получивъ подкрѣпленіе, непріятель опять подошелъ, остановился по ту сторону оврага, перестрѣливался, но не смѣлъ дѣлать новыхъ покушеній. На лѣвомъ флангѣ, Французы стрѣлками и колоннами приближались къ Русскимъ батареямъ и выдвинули артиллерію. Ихъ встрѣтили снова картечью, потомъ послѣдовало общее ура! Французы и здѣсь были опрокинуты.

Но вотъ, часовъ въ 9-ть утра, стала собираться подъ Смоленскомъ вся Французская армія становясь въ позицію и окружая городъ. Въ это время Раевскій получилъ отъ князя Багратіона слѣдующую записку: «Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ». И Раевскій держался. Нѣсколько разъ непріятель бросался въ атаку, но всѣ его приступы были отражены. Жители обоего пола, одушевленные любовію къ родинѣ, выбѣгали за стѣны къ полю битвы, хватали на руки раненыхъ и уносили ихъ въ городъ. Наконецъ, день склонился къ вечеру, и непріятель, готовясь къ безпощадной борьбѣ

на другой день, отошелъ отъ нашей позиціи и расположился внѣ пушечнаго выстрѣла. Стойкостью и геройскимъ подвигомъ генерала Раевскаго, Смоленскъ былъ удержанъ на этотъ день въ рукахъ Русскихъ, и тѣмъ дано время главнымъ русскимъ силамъ прійди на помощь.

Увеличеніе силъ, высланныхъ для обороны Смоленска, потребовало избранія главнаго защитника города и выборъ главнокомандующаго палъ на генерала Дохтурова. Но Дохтуровъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ заболѣлъ горячкою и хотя болѣзнь его къ этому времени была уже не столь тяжкою, однакожъ Дохтуровъ былъ еще очень слабъ и главнокомандующій счелъ необходимымъ спросить у него, позволитъ ли ему здоровье взять на себя оборону Смоленска? Дохтуровъ, съ радостью, изъявилъ свою готовность. «Братцы», сказалъ онъ своимъ приближеннымъ, «если умереть мнѣ, такъ лучше умереть на полѣ чести, нежели безславно на кровати»! Безстрашный воинъ съ честью выполнилъ свой долгъ службы отечеству. Цѣлый день, въ главѣ 20-ти тысячь русскихъ, онъ сражался противъ многочисленныхъ войскъ Наполеона, изъ которыхъ, по свидѣтельству самихъ Французовъ, было введено въ бой не менѣе 45-ти тысячь человѣкъ.

Наполеонъ вознамѣрился, во чтобы то не стало, овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ переправы на правый берегъ Днѣпра и какъ ключемъ ко входу во внутрь Россіи. Перестрѣлка началась съ разсвѣтомъ 5-го августа, и съ этого времени огонь дѣлался все живѣе и живѣе. Русскіе дрались мужественно. Полки дивизіи генерала Лихачева, сформированные изъ сибиряковъ,

въ первый разъ сражавшихся съ Французами, безпрестанно кидались впередъ, не смотря на многократныя приказанія—не выходить изъ черты предмѣстій. Лишь только приближались непріятельскіе стрѣлки, храбрые сибиряки выбѣгали на встрѣчу, раздавалось «ура»! и всѣ усилія начальниковъ—умѣрить рвеніе солдатъ были напрасны.

Главный бой начался въ пять часовъ по полудни, когда Наполеонъ приказалъ своему маршалу Даву штурмовать городъ. Французы устремились на Малаховскія ворота и едва не овладѣли ими. Въ это время на помощь Дохтурову подоспѣлъ принцъ Евгеній Виртембергскій. Когда онъ переходилъ мостъ, ведущій съ праваго берега Днѣпра въ городъ, то ему представилась ужасная картина. Тысячи несчастныхъ съ изрубленными лицами, обезображенные, упитывая улицы кровію, уходили съ мѣста побоища; вокругъ горѣли строенія, зажженныя непріятельскими гранатами и городъ былъ устланъ трупами убитыхъ. У Малаховскихъ воротъ продолжался жесточайшій огонь; прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій бывшихъ здѣсь, были истребляемы и смѣняемы нѣсколько разъ. Находившійся здѣсь генералъ Коновницынъ былъ раненъ пулею въ руку и не только не оставлялъ поля сраженія, даже не позволялъ себѣ перевязать рану до самаго окончанія боя. Нападенія непріятеля въ разныхъ пунктахъ были отражены.

Не имѣя возможности взять городъ приступомъ, Наполеонъ приказалъ продолжать противъ него пальбу изъ орудій. Болѣе ста пушекъ разной величины дѣйствовали нѣсколько часовъ сряду и распространяли

по городу пожаръ и опустошеніе. Русскія войска, охваченные спереди непріятелемъ, а съ тыла пламенемъ, продолжали мужественно отстаивать пепелище роднаго города. Въ семь часовъ по полудни, Французы снова покушались на штурмъ и снова были отбиты. Въ девять часовъ канонада смолкла на всѣхъ пунктахъ. Въ полночь Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить Смоленскъ, перейти со всѣми находившимися въ распоряженіи его войсками на правый берегъ Днѣпра и сжечь за собою мостъ.

Картина, которую представлялъ Смоленскъ въ этотъ достопамятный день, была ужасна, но вмѣстѣ и трогательна, по тому истинно-христіанскому благочестію и преданности волѣ Божіей, которыя всегда отличали русскихъ и которыя теперь обнаружились въ Смольянахъ во всей силѣ, посреди тысячи смертей, носившихся повсюду. «Крѣпость и толщина стѣнъ воздвигнутыхъ еще Годуновымъ», разсказываетъ историкъ отечественной войны, «противустояли чугуну, но тучи ядеръ и гранатъ, брошенныхъ въ городъ изъ 150 орудій, произвели пожары; церкви, домы, башни, все, что могло горѣть, запылало. Освѣщенныя заревомъ пожара окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящіе перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, и при этомъ все мѣстное населеніе, молящееся на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками, таково было отчаянное положеніе Смоленска въ вечеръ 5 августа, когда наступила ночь, и бой былъ временно прекращенъ. Жители, полагая сей день днемъ

свѣтопреставленія, а Наполеона антихристомъ съ воинствомъ дьяволовъ,—толпами бѣжали изъ огня, между тѣмъ, какъ полки русскіе шли въ огонь: одни спасали жизнь, другіе несли ее въ жертву. Какъ нѣкогда во Псковѣ, осажденномъ Баторіемъ, подъ ядрами литовскихъ бойницъ, духовенство пѣло молебны, такъ теперь въ Смоленскѣ, гдѣ уже три дня, во время свирѣпствовавшихъ битвъ, не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня праздновалось. Никогда болѣе, какъ въ этотъ вечеръ, не возсылалось молитвъ къ Всевышнему. Въ сумерки изъ Благовѣщенской церкви, а потомъ изъ города вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ распадавшихся зданій и другими явленіями ожесточенной битвы, кипѣвшей по среди теплаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра, огонь и дымъ, восходя столбомъ, растилались подъ самыми облаками. Удалилась Божественная заступница Смоленская, но со стѣнъ не сходили русскіе, впереди громимые непріятелемъ, сзади опаляемые пожаромъ, разливавшимся по всему городу.»

Ожесточеніе, съ которымъ наши доблестныя войска сражались въ 5-й день августа, превосходитъ всякое вѣроятіе: раненные не чувствовали боли отъ нанесенныхъ имъ ранъ, продолжали биться съ непріятелемъ, исходили кровію и наконецъ падали отъ совершеннаго изнеможенія силъ. На другой день битва еще продол-

жалась въ такъ называемомъ Петербургскомъ предмѣстьи города или форштатѣ, на правомъ берегу Днѣпра. Къ вечеру весь форштатъ былъ объятъ пламенемъ; наши солдаты укрывались въ садахъ, но и тамъ жаръ до того былъ силенъ, что плоды на деревьяхъ испеклись совершенно. Солдаты лакомясь ими, говорили между собою: «не повѣрятъ намъ дома, что въ Смоленскѣ мы снимали съ деревьевъ печеныя яблоки.»

Утромъ, въ тотъ же день, Наполеонъ въѣхалъ въ Смоленскъ и не нашелъ ничего въ городѣ, кромѣ груды камней и пепла. Изъ числа жителей ему встрѣчались только больные и увѣчные, которые убѣгали въ храмы Божіи, опасаясь насилій отъ ожесточеннаго непріятеля. Наполеонъ отправился въ церковь надъ Днѣпровскими воротами и изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей смотрѣлъ, какъ по ту сторону сожженаго моста двѣ русскія пушки отстрѣливались и огнемъ своимъ по набережной къ городу наносили вредъ французамъ. Наполеонъ приказалъ втащить въ церковь Божіей Матери два орудія и, поставивъ ихъ въ дверяхъ балкона, самъ наводилъ ихъ по нашимъ двумъ дѣйствующимъ орудіямъ.

II.

Поруганіе церквей Французами.—Подвиги христіанской любви: генераловъ Коновницына и Дохтурова.—Геройское самоотверженіе подполковника Энгельгардта и колежскаго ассесора Шубина.—Мирныя предложенія Наполеона.—Воззваніе Кутузова къ Смольянамъ.—Возваніе епископа Калужскаго —Возвращеніе Наполеона въ Смоленскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.—Бѣдствія Французовъ.—Убытки понесенные жителями Смоленска.—Чествованіе чудотворныхъ иконъ Смоленской Божіей Матери.

На другой день послѣ описанныхъ событій, а именно 7-го августа 1812 года, Наполеонъ отправился въ соборъ. Войдя туда съ покрытою головою, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ храма и, дойдя до средины, снялъ шляпу, что сдѣлали и всѣ окружавшіе его, бывшіе дотолѣ также съ покрытыми головами. Внутренность храма представляла потрясающее зрѣлище. Тамъ были несчастные, лишенные крова и искавшіе убѣжища, въ домѣ Божіей Матери Смоленскія Одигитріи; тамъ слышались вопли и стенанія, оглашавшіе церковь; но Наполеонъ никому изъ страдальцевъ не протянулъ руку помощи, никого не утѣшилъ привѣтнымъ словомъ, но, какъ разсказывали очевидцы, только окинулъ несчастныхъ свирѣпымъ взглядомъ и уходя изъ собора, приказалъ тотчасъ же приставить къ нему часовыхъ. Наполеонъ нѣсколько разъ ѣздилъ по разореннымъ окрестностямъ, гдѣ не осталось и слѣдовъ прежняго благосостоянія, и прогуливался по испепеленному городу, безмолвно глядя, какъ его войска грабили догоравшіе дома и церкви, били и терзали беззащитныхъ соотечественниковъ нашихъ. Святость храмовъ не удержала святотатственной руки французовъ отъ достойнаго поруганія. Храмы были обращены въ

конюшни, въ лазареты и магазины; Спасскую церковь превратили въ тюрьму. Разореніе Смоленска было полное: изъ 2,250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ уцѣлѣло только 350. Все прочее сдѣлалось жертвою пламени. Жители Смоленска, кто только могъ бѣжать, всѣ удалились изъ города.

Но посреди ужасовъ, которыми ознаменовано было нашествіе врага на Смоленскъ, ярко сіяла доблесть Русскихъ, окруженныхъ отовсюду и преслѣдуемыхъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Современныя сказанія сохранили нѣсколько подвиговъ истинно христіанской любви лицъ, принимавшихъ участіе въ кровавой борьбѣ, нѣсколько примѣровъ высокаго самоотверженія и преданности долгу. Такъ генералъ Коновницынъ, выступая изъ Смоленска, былъ озабоченъ не только сохраненіемъ порядка въ отступавшемъ войскѣ, но и участью Смольянъ, уходившихъ изъ города съ воплями отчаянія. Здѣсь этотъ мужественный герой, ознаменовавшій себя столь доблестною защитою ввѣреннаго ему поста у Малаховскихъ воротъ, явился истиннымъ ангеломъ-утѣшителемъ несчастныхъ: однимъ онъ давалъ деньги, другихъ ободрялъ словомъ участія, усталыхъ стариковъ и дѣтей приказывалъ сажать на лафеты. Неменѣе его оказалъ добра несчастнымъ и другой доблестный защитникъ Смоленска, генералъ Дохтуровъ.

Французы, занявъ покинутый Русскими, разоренный Смоленскъ, тотчасъ же приступили къ заготовленію хлѣба и фуража для арміи въ наскоро устроенныхъ магазинахъ. Но исполнить это оказалось невозможнымъ. Посылаемые для закупки хлѣба комиссары и отряжае-

мыя для фуражировки команды или гибли подъ ударами Русскихъ или возвращались избитые и израненные. Тогда непріятели вознамѣрились устрашить жителей казнями. Они захватили въ плѣнъ двухъ помѣщиковъ, предводительствовавшихъ вооруженными крестьянами и дворовыми людьми, отставнаго подполковника Энгельгардта и коллежскаго ассесора Шубина, привезли ихъ въ Смоленскъ, и, посадивъ ихъ въ Спасскую церковь подъ стражу, приступили къ допросу. Не колеблясь духомъ, Энгельгардъ отвѣчалъ: «Я русскій подданный, я исполнилъ свой долгъ. Мы должны разить врага, дерзнувшаго нарушить наше спокойствіе и напасть на нашего законнаго Государя. Оковы препятствуютъ мнѣ отмстить въ полной мѣрѣ». Выслушавъ затѣмъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: «Вы не поработите Россію, вы погибнете; а я благодарю Бога за то, что умираю какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества». Враги предлагали ему жизнь и свободу, если онъ согласится вступить въ ихъ службу и присягнетъ Наполеону. Герой отвѣчалъ: «Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому Царю; русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника». Его отвели въ ровъ близъ разрушенныхъ смоленскихъ стѣнъ и хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: «Русскій не боится смерти». Французы сначала прострѣлили ему ногу и опять старались поколебать его вѣрность, обѣщая залечить рану, если онъ согласится на ихъ предложеніе; но Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями за вѣрность Царю и отечеству. Такой

же участи подвергся и Шубинъ. Черезъ годъ послѣ того, Императоръ Александръ, находясь за границею, перенесся мыслію въ предѣлы отечества и наградилъ родныхъ Энгельгардта и Шубина истинно по царски. «Удостовѣрясь въ истинѣ», сказано было въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату, «Я поспѣшилъ воздать справедливый долгъ симъ усерднымъ сынамъ отечества, при бѣдномъ состояніи, не прельстившимся на искушеніе непріятельское, пребывшимъ непоколебимыми въ привязанности къ государству своему и пожертвовавшимъ жизнію за вѣру и вѣрность». Государь повелѣлъ производить пенсіи: брату Энгельгардта по 6 тысячъ руб., племяннику его и племянницѣ по 3 тыс. руб., вдовѣ Шубина по 10 тыс., матери по 6 т. и двумъ сестрамъ дѣвицамъ по 3 тыс. руб. ежегодно. Впослѣдствіи, именно въ 1835 году, по повелѣнію Императора Николая Павловича, на мѣстѣ казни Энгельгардта воздвигнутъ чугунный памятникъ, съ надписью: «Подполковнику Павлу Энгельгардту, умершему въ 1812 г. за вѣрность и любовь къ отечеству».

Стойкая храбрость, оказанная Русскими подъ Смоленскомъ, и готовность пожертвовать всѣмъ, лишь бы отстоять родную землю, выяснили Наполеону всю трудность его настоящаго положенія. Здѣсь онъ увидѣлъ впервые, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, предпринявъ войну противъ Россіи, и здѣсь же ему пришло на мысль обратиться къ Императору Александру съ мирными предложеніями. Въ этихъ видахъ онъ пригласилъ къ себѣ раненаго и взятаго въ плѣнъ, въ сраженіи при Лубинѣ 7 августа, генерала Тучкова 3-го и, увѣряя его въ любви своей къ Императору Алек-

сандру и въ уваженіи къ русскому народу, просилъ его довести до свѣдѣнія Императора, что онъ готовъ кончить войну. Надежды Наполеона и на этотъ разъ не сбылись. На письмо генерала Тучкова къ брату, сообщавшее разговоръ его съ Наполеономъ и представленное Императору Александру, не послѣдовало никакого отвѣта, да и не могло быть его, послѣ того, какъ Государь далъ слово «не оставлять оружія до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской».

Наполеонъ двинулся далѣе внутрь Россіи, для продолженія губительной войны, но по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ подавался впередъ, онъ находилъ край все болѣе и болѣе опустѣлымъ. Хотя нашествіе непріятеля застало Смоленскую губернію въ расплохъ, но жители, безъ всякаго сторонняго внушенія, сдѣлали все то, что могла произвесть самая горячая любовь къ Отечеству. Безъ руководства и совѣта, добровольно и единодушно, народъ рѣшился не поддаваться врагамъ. Исполненіе сей мысли было различно, но мысль у всѣхъ была одна: «ничто не доставайся непріятелю и не имѣть ему ни пріюта, ни покоя!» Каждый дѣлалъ то, что умѣлъ. Одни, взявъ съ собою только самое необходимое, что можно было уложить на телѣгу, или унести на себѣ, и предавъ остальное имущество огню, отправились за арміею, или въ сосѣднія губерніи; другіе, ничего не истребляя, но оставя деревни пустыми, ушли въ лѣса, построили шалаши и рѣшились: одни скрываться, другіе защищаться, а отважнѣйшіе сами начали нападать на злодѣевъ. — Вокругъ разгоралась народная война. Никто не дѣлалъ распоряженій о вооруженіи народа, а народъ уже дѣйствовалъ, какъ кто

умѣлъ. Пожары распространялись. Города и селенія на столбовой дорогѣ, изъ которыхъ почти въ каждомъ держался нашъ аррiергардъ, были предаваемы пламени, или Русскими войсками, чтобы не достались непріятелю, или же сожигались обозленнымъ непріятелемъ, а чаще самими жителями. Горѣли и окрестныя волости, верстъ на 20-ть, куда для отысканія припасовъ, ходили французскіе фуражиры и толпы бродягъ, число коихъ увеличивалось ежедневно отъ недостатка въ продовольствіи. Весь осиротѣвшій край преданъ былъ разорѣнію.

Между тѣмъ главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ войскъ былъ назначенъ знаменитый герой, получившій титулъ князя Смоленскаго, Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. По принятіи начальства надъ войскомъ, Кутузовъ тотчасъ сдѣлалъ первыя необходимыя для продолженія борьбы съ врагомъ распоряженія и затѣмъ обратился къ доблестнымъ, но злополучнымъ Смольянамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщался я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу Августѣйшаго Монарха нашего и къ любезнѣйшему отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ шелъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкіе оковы, но

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Князь Кутузовъ-Смоленскій.

не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвизалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и къ отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки воединое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались»!

Около того же времени, епископъ Калужскій, за отсутствіемъ Смоленскаго архипастыря, препроводилъ къ Смольянамъ пастырское посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ пребыть твердыми въ вѣрѣ. «Примите отъ меня сіе напоминаніе, сказано между прочимъ въ посланіи Калужскаго архипастыря, яко сострадущаго вамъ и усердствующаго духовно всякимъ способомъ помочь. Разошлите всѣмъ благочиннымъ, коимъ возможно, сіе моей любви и состраданія свидѣтельство. Подтверждайте, пекитесь и надзирайте всѣ купно, да прославляется наша вѣра и Церковь, и не хулится».

Прошло два съ половиною мѣсяца послѣ описанныхъ событій. 29 октября 1812 года Наполеонъ снова вступилъ въ Смоленскъ, но уже не тѣмъ грознымъ завоевателемъ, передъ которымъ, для сохраненія Россіи, отступали русскія войска, но бѣглецомъ, съ разбитыми и обезсиленными остатками своей огромной арміи. Страшная Бородинская битва, пожаръ Москвы и тысячи неудачъ, какихъ онъ не испытывалъ дотолѣ ни разу, заставили его бѣжать изъ Россіи. Его войска, измученныя голодомъ, лишенныя необходимой одежды,

доведенныя до отчаянія, надѣялись хотя въ Смоленскѣ найдти себѣ отдыхъ, одежду и пищу; но надежда ихъ и здѣсь осталась тщетною. Кое-какъ дотащившись до Смоленска, Французы, какъ громомъ, были поражены вѣстію, что здѣсь нѣтъ для нихъ ни помѣщеній, ни припасовъ, и что они должны продолжать свое злополучное бѣгство.

Зрѣлище, которое представлялъ въ то время Смоленскъ и его окрестности, было по истинѣ ужасно. Повсюду виднѣлись только трупы людей и лошадей; вездѣ были разбросаны изломанныя и оставленныя фуры, зарядные ящики, пушки и разное оружіе, понтоны и награбленные въ Москвѣ экипажи; повсюду бродили, какъ тѣни, и умирали отъ голода и холода погонщики и солдаты. Несчастные кутались въ священническія рясы, стихари, женскіе салопы; на головахъ сѣдыхъ ветерановъ надѣты были капоры, жидовскія шапки или рогожи. Въ отчаяніи, они изрыгали богохуленія, посылали проклятія Наполеону и призывали на себя смерть, которая и безъ того свирѣпствовала между ними со всѣми своими ужасами. Удаляясь изъ Смоленска, маршалъ Ней приказалъ взорвать во многихъ мѣстахъ городъ, отчего въ немъ снова запылали пожары; восемь Годуновскихъ башень и королевская крѣпость разрушены; оставшіяся отъ перваго пожара зданія или уничтожены вовсе, или сильно повреждены; въ городѣ оставлены на произволъ судьбы болѣе двухъ тысячъ больныхъ Французовъ, которыхъ маршалъ не имѣлъ возможности взять съ собою. Въ ночь на 5-е ноября, какъ только Ней удалился изъ Смоленска, какъ изъ ямъ, подваловъ и потаенныхъ мѣстъ вышли жители, оставшіеся въ городѣ

въ числѣ шести или семи сотъ человѣкъ, и, увѣрившись въ своемъ окончательномъ освобожденіи отъ враговъ, устремились на бродившихъ по городу французскихъ мародеровъ, которые въ надеждѣ добычи, не послѣдовали за войскомъ Наполеона. Озлобленные Смольяне бросали непріятелей въ пламя горѣвшихъ зданій и низвергали съ береговъ Днѣпра въ проруби. Со вступленіемъ въ Смоленскъ маіора Горихвостова, во главѣ 20-го егерскаго полка, истязанія противъ непріятеля прекратились. Но страшно было видѣть эту громадную массу человѣческихъ тѣлъ, грудами валявшихся повсюду. Когда начали очищать городъ, то потребовалось болѣе трехъ мѣсяцевъ для уборки труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ. Для сожженія ихъ назначены были особыя мѣста за городомъ. Трупы клали скирдами, имѣвшими пространство болѣе чѣмъ на полъ версты каждая и вышиною слишкомъ на двѣ сажени и сожигали. Но, наконецъ, даже и дровъ не доставало для сожженія тѣлъ; тогда стали вырывать большіе могилы, въ которыхъ клали по нѣсколько сотъ тѣлъ рядомъ, пересыпая ихъ известкою черезъ каждый третій рядъ. Эта неслыханная масса мертвыхъ тѣлъ могла произвести и, дѣйствительно, по мѣстамъ производила заразительныя болѣзни, но быстрыя мѣры, принятыя противъ заразы, по счастію скоро устранили ее повсюду.

Бѣдствія, которыя вынесъ Смоленскъ, причинили ему страшное раззореніе; по сдѣланному исчисленію, оно простиралось до шести милліоновъ шести сотъ тысячь рублей, и потому много нужно было времени, для того чтобы Смоленскъ могъ вновь возстать изъ праха. Мило-

сердіе Монарховъ, даровавшихъ городу многія привелегіи и облегченія, могущественно содѣйствовали возстановленію его благостоянія.

Въ заключеніе нашего разсказа, укажемъ на трогательный примѣръ благочестія и благоговѣнія къ святынѣ, выказанныхъ Русскими во время и по окончаніи борьбы вокругъ Смоленска.

Въ Смоленскѣ находятся двѣ чудотворныя иконы Божіей Матери. Одна изъ нихъ, находящаяся въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, есть писанный Евангелистомъ Лукою образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи, которымъ Греческій императоръ Константинъ Мономахъ благословилъ въ 1049 году царевну Анну, выдавая ее въ замужество за князя Черниговскаго Всеволода Ярославича. Другая икона, въ церкви на Днѣпровскихъ воротахъ, списанная съ первой, явила чудотворенія во время моровой язвы въ Смоленскѣ при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Обѣ эти иконы были вывезены преосвященнымъ Иринеемъ, епископомъ Смоленскимъ, а другая вручена, по приказанію Барклая-де-Толли, въ достопамятный вечеръ 5 августа, генералу Коновницыну, который приказалъ отдать ее въ батарею полковника Глухова. Съ того времени, эта чудотворная икона находилась постоянно при войскахъ 3-й пѣхотной дивизіи, съ благоговѣніемъ хранившихъ ее, какъ священный залогъ Божія милосердія. Во все продолженіе времени, пока пребывала икона въ лагерѣ, приносимы были предъ нею, послѣ одерживаемыхъ надъ непріятелемъ побѣдъ, благодарственныя молебствія. Ровно, черезъ три мѣсяца, когда Ней потерпѣлъ сильное пораженіе подъ Краснымъ и сообщеніе между

арміею и Смоленскомъ очистилось, чудотворная икона 5-го ноября возвращена была въ Смоленскъ при письмѣ Коновницына къ старшему въ городѣ духовному лицу. «Войска», писалъ онъ между прочимъ, «съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя образъ сей и почитали его благопріятнымъ залогомъ всевышняго милосердія. Нынѣ же, когда Всемогущій Богъ благословилъ россійское оружіе и, съ покореніемъ врага, городъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями князя Михаила Иларіоновича Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится она на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Русскій Богъ, чудесно карающій кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ. Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненныя образу вклады и приношенія 1,810 р. асс., 5 червонныхъ золотомъ и серебра въ лому, отбитаго у непріятеля одинъ пудъ.»

Такъ исполнились слова св. Евангелія: «Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой». Съ того времени, въ Смоленскѣ установлено праздновать изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ 5 ноября, во славу Пресвятыя Богородицы Одигитріи, предъ чудотворною Ея иконою.

Цѣна 10 к.

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЪ.

Редакціею журналовъ: «**Чтеніе для Солдатъ**» и народнаго «**Мірской Вѣстникъ**» по настоящее время издано **198 отдѣльныхъ книжекъ, разныхъ наименованій, для школъ.** Книжки изданы тщательно, цѣною отъ **2**-хъ до **45** коп.; полезны для **начальнаго научно-нравственнаго самообразованія**. Бо́льшая часть означенныхъ книжекъ одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и признаны—Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи,—полезными для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Императрицы Маріи.

Каталогъ книжкамъ высылается желающимъ, по ихъ требованію, безденежно.

Учебнымъ заведеніямъ, школамъ и Земскимъ Управамъ, обращающимся съ своими требованіями на книжки, изданныя Редакціею, непосредственно въ контору Редакціи, дѣлается уступка, со стоимости книгъ, 20 процентовъ, но только по тѣмъ требованіямъ, которыя поступятъ на 50 и болѣе рублей и когда кромѣ того, слѣдуемыя деньги за пересылку по почтѣ доставляются согласно объявленію, по 3 коп. за каждую книжку.